

Евгения Халь

СОЖГИ ВЕНЕЦ БЕЗБРАЧИЯ!

Евгения Халь

Сожги венец безбрачия

«Автор»

2024

Халь Е.

Сожги венец безбрачия / Е. Халь — «Автор», 2024

Чужие свадьбы, дни рождения чужих детей. Их так много, когда сама не замужем и никакой надежды на личное счастье. Как тяжело улыбаться, поздравлять, а потом возвращаться в свою пустую квартиру. Почему одни выбирают, за кого замуж пойти, а у меня ни одного желающего? Почему мужчины бросают меня ради других? На счастливых невестах свадебные веночки. А на мне лишь венец безбрачия – мое проклятие. К кому я только не обращалась, чтобы его снять, сжечь, уничтожить. К ведьмам, колдунам, шаманам. И даже к ретро-гипнологу. Если бы я знала, чем это обернется... В тексте есть: сильные эмоции сложный выбор неидеальные герои семейные тайны и загадки ХЭ гарантирован Однотомник

© Халь Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Отключите интернет!	5
Лаура	5
За месяц до...	6
Матвей	12
Глава 2. Океан памяти	13
Лаура	15
Глава 3. Ударный кавалер	21
Матвей	23
Лаура	26
Глава 4. Можно я буду твоим рыцарем?	29
Глава 5. Любовь – это не мое	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгения Халь

Сожги венец безбрачия

Глава 1. Отключите интернет!

Лаура

Я никогда не говорила, что люблю тебя. Боялась. Виноват мой печальный опыт. Раньше с легкостью признавалась мужчинам в своих чувствах. И как только произносила: «Люблю, ты мне дорог, хочу быть с тобой» они исчезали. Наверное, все мужчины по натуре своей королевские соколы. Эти хищные птицы парят в высоте, потом выбирают жертву, бросаются на нее и клюют. Но никогда не добивают. Им достаточно самого факта победы. Упитья свежей кровью, жадно вдохнуть ее запах и снова взмыть вверх.

Так и со мной. Как только мужчины убеждаются, что я принадлежу им и никуда не денусь, они немедленно исчезают. Такое впечатление, что вселенная только этого и ждет: ей нравится смеяться надо мной.

Недавно я узнала, что это и называется венцом безбрачия. Когда те, кто дороги, покидают меня. И ты, моя несбывшаяся любовь, мое неслучившееся счастье, можешь идти. Теперь ты всё знаешь. Ты и вселенная можете вместе посмеяться надо мной.

Он повернулся спиной ко мне, распахнул дверь и вышел. Вот и всё. Еще один красивый, но бесполезный камень в моей короне, в моем венце безбрачия.

Ирония судьбы в том, что мое имя Лаура переводится с испанского как «увенчанная лаврами». Но единственное, что венчает мою бедную голову – железный, шипастый и колючий венец безбрачия. Мне тридцать два. Я живу в Москве – городе, который кишит молодыми и красивыми охотницами на мужчин. У меня нет шансов на счастье. Так и помру в одиночестве.

За месяц до...

Отключите интернет. Взорвите его к чертям! Чтобы косорукие неудачницы вроде меня тоже замуж сходили. Как выйду в сеть, так сразу тошнить начинает от идеальных интернет-невест. Ну не умею я умею вышивать крестиком, вязать на спицах и печь торты. А еще не занимаюсь спортом и не знаю пять языков. Но не хуже других умею любить. Почему мужчинам вдруг этого стало мало?

Все вокруг занимаются йогой, бачатой, росписью по батiku, рисованием, самосовершенствуются на марафонах, готовят, ухаживают за собой и в тридцать выглядят на семнадцать. Учат английский в наушниках во время мойки пола. Пекут торты за полчаса до сна и путешествуют в места силы и духовности. Только я одна устаю, как собака, и ничего не успеваю. А можно мне просто побыть нормальной? Или нормальные сейчас замуж не выходят? Видимо, нет.

Женщину меняют не жизнь, не возраст, не победы и не беды. Женщину меняет мужчина, который рядом с ней. Только я не меняюсь. Потому что не с кем.

Особенно тяжело после праздников и выходных. Вся эта женская болтовня на работе и в чатах:

– Ой, а мой сегодня такое отчудил! Девочки, вы не поверите. Я в шоках.

– А я вчера детям и мужу такую запеканочку забабахала. А моему не зашло. Жевал с каменной мордой.

– А мой заценил вкусняшку. И дети были так рады!

Мне сказать нечего. Я молчу. А так хочется рассказать, что мой сегодня. И что дети такие умнички. И поплакать, как я устала от быта и кухни. А потом порадоваться, что устала. Ведь счастливые жёны и мамы всегда очень устают.

– Лаура, ты телефон бросила вчера в ванной, – он вышел из душа и положил телефон в мою сумку. – И что бы делала без него? И вообще что у тебя случилось? Душераздирающий рассказ я так и не услышал, – он начал растирать тело полотенцем.

Красивое, накачанное, влажное от воды тело. Как его зовут-то, господи? Ах да, Матвей.

– Потом бы забрала телефон, – я с трудом отвела взгляд от его широкого торса и узких бедер.

Некрасиво так пялиться на малознакомого мужика. Даже если провела с ним ночь. Которую вообще не помню. Ничего! Ни единого фрагмента.

– Потом? – саркастически уточнил он. – Кто тебе сказал, что будет продолжение? – спросил, как припечатал.

И это после первой нашей ночи вместе!

Его светло-голубые глаза холодными буравчиками впились в мое лицо.

– Успешные мужики не женятся на серых мышках и бледной моли, – Матвей натянул черные джинсы, белую футболку, накинул черный легкий пиджак и снял трубку гостиничного телефона.

– Завтракать будешь? Закажу доставку в номер, – как ни в чем не бывало спросил он, словно не оскорбил меня минуту назад.

Очень хотелось послать его. Грубо, резко, но метко.

– Нет, – процедила я, завернулась в одеяло и встала. – Спасибо за лекцию. Буду знать.

Одной рукой придерживая сколький шелк пододеяльника, второй рукой я попыталась накинуть блузку. Одеяло свалилось на ковер, блузка тоже. Обнаженная я неловко застыла под его насмешливым взглядом.

– А что тебя так удивляет? – осведомился он. – Вы, девушки, все хотите принцев. Богатых, образованных, успешных. А вы-то принцу что можете дать? Свою бессмертную душу и тело? Так у многих души-то и нет. А тело, за небольшими вариациями, тоже у всех одинаковое. Просто вы привыкли материальное и социальное положение поправлять за счет замужества. А мы чем хуже? Хотели равенства? Получайте равенство. Ну, вот конкретно ты что можешь дать мне?

Всё, терпение лопнуло.

– Да ты кто такой вообще? Как смеешь? Мы же только что проснулись в одной постели, а ты со мной так грубо... так... – я едва сдерживалась, чтобы не заплакать. – Да как же так можно с женщиной, с которой... – в горле пересохло.

– Что? Спали? – уточнил он.

– Наша встреча была ошибкой, – я, наконец, справилась с блузкой, натянула юбку, влетела в туфли и направилась к двери.

– Ой, какая драма! – Матвей преградил мне дорогу. – Для справки: между нами ничего не было. Я тебя привез в гостиницу, потому что не таскаю незнакомых девиц домой. Да и бар, в котором ты так наклюкалась, рядом с отелем. Как вообще можно так напиваться, если знаешь, что организм плохо реагирует на алкоголь?

В этом он прав. Пить вообще скверно, тем более так. Краска стыда залила мои уши.

– Я боялся, что тебя вывернет наизнанку. Поэтому пришлось раздеть до белья. И всю ночь я просто спал рядом. Но ты не ответила на мой вопрос: что у тебя случилось? Думаю, что после того, я как оплатил счет в баре, привез тебя в гостиницу, а потом всю ночь ждал, что придется держать твои волосы, пока ты корчишься над унитазом, имею право знать.

– Тебе зачем эта лишняя информация? – буркнула я. – Спасибо за заботу. Но пойду.

– Не пойдешь. Мне просто интересно чисто в профессиональном плане: ошибся я или нет? Рассталась с мужиком? Вчера из тебя так ничего и не вытянул. Ты лыка не вязала, только всхлипывала. Ну? – он облокотился на барную стойку в центре шикарного номера в гостинице люкс.

Красивый, сволочь! Высокий, хорошо сложенный. Светлые волосы коротко подстрижены. По-простому, без новомодных финтифлюшек вроде выбритых висков и затылка. Светлоголубые глаза леденеют на загорелом лице. С одной стороны, он излучает аристократичную небрежность и интеллектуальную утонченность. С другой, в нем ощущается что-то примитивно-грубое, почти животное.

Возможно, такое впечатление складывается из-за странной, искусственной, словно наклеенной, очень циничной улыбки, которая не сходит с его тонких губ. Однако, что по-настоящему завораживает – это его уверенность в себе. Она буквально окружает его невидимым коконом. Скользит во взгляде, движениях, интонациях. Глядя на таких людей, сразу понимаешь, что они компетентны во всем и всегда, и их просто невозможно не слушаться.

Неудивительно, что я ушла из бара вместе с ним. Привыкла к сволочам. Разрешаю им вытирать о себя ноги. Но со сволочами легко, не нужно притворяться. И все же не расскажу ему, что произошло.

– Это мое личное дело, – я направилась к двери. – Еще раз спасибо за помощь!

Он одной рукой схватил меня за плечо, а другой открыл дверь. На пороге стояла горничная с тележкой, сервированной для завтрака.

– Девушка, вы замужем? – Матвей взял розу из вазочки, которая стояла между тарелок, и протянул горничной.

– Нет, – она взяла цветок и кокетливо поправила выбившуюся из тяжелого узла на затылке прядь.

– А если бы вас похитил такой как я: молодой, красивый, спортивный и умный? И заточил бы в прекрасном гостиничном люксе? Вы бы сопротивлялись?

Горничная тяжело вздохнула и протянула Матвею обе руки:

– Нет! Можете приковать меня к батарее.

– Видишь, Лаура? Учись женской мудрости. Благодарю, – Матвей положил чаевые в кармашек передника горничной, вкатил в номер тележку с завтраком и закрыл дверь.

Налил в чашки кофе из фарфорового кофейника, отхлебнул апельсиновый сок, протянул мне чашку кофе и сказал:

– Ну, давай. Облегчи душу.

Запинаясь не то от горячего кофе, не то от внезапно подступивших к горлу слез, я рассказала ему о том козлине, с которым рассталась вчера. Он стал последней каплей. Полтора месяца назад не стало моего отца. Папа внезапно умер от инфаркта. Я пыталась забыться, заливая себя работой. Так было легче, проще.

Козлину звали Алекс. Риэлтор, тридцати пяти лет, не женат, красив, вежлив. Он пришел ко мне подтянуть английский. У меня нет запрета на личные отношения с учениками. Потому что я преподаю английский и испанский в частной языковой школе.

Алекс красиво ухаживал, был терпелив и галантен. Очень старался помочь мне пережить горе. Я сдалась. Мы встречались две недели. А потом... дернул же меня черт ползть в его телефон, когда он пошел в душ.

Я хотела просто полистать сообщения. Но наткнулась на его личный чат в «Телеграме». Даже в отсутствие Алекса там шла активная переписка. Его друзья наперебой давали советы. Покрывшись мурашками от ужаса, я читала сообщения, не веря своим глазам. Оказывается, Алекс просто хотел насолить бывшей, которая изменила ему. Поэтому специально нашел серую мышку, меня, то есть, и водил в те же места, где часто бывала бывшая. Он рассчитывал на то, что мышь по сути своей безотказна, так как не красавица. А еще у нее нет высоких запросов. Поэтому ею можно манипулировать, как хочется.

В чате было много фотографий. Сначала с блестящей бывшей, а потом со мной. Не понимаю, когда он успевал фотографировать так, что я этого не видела. Под фото были комментарии:

– Хорошая девушка, хоть и мышка.

– Ну и что? Зато такая не предаст.

– Конечно, не предаст. Кому она нужна?

– Ну не скажи! Есть любители, и немало.

– Да ладно, мужики, – это уже Алекс написал, – вы мне лучше скажите, как разорвать с ней отношения вежливо и нежно? Батя у нее недавно умер. Ей и так тяжело. Грустит, бедная. Как бы мне помягче ей сказать? Девчонка вообще-то хорошая, душевная.

– Вот тебе помягче! – закричала я, швырнула телефон на пол, схватила свои вещи и выскочила из его квартиры.

Домой не хотелось. Что там делать? Выть в пустых стенах? Я пошла в бар, где и встретила Матвея.

Матвей внимательно выслушал мой рассказ, не перебивая и не задавая вопросов. А потом скорчил физиономию из серии: «А я говорил!» и подытожил:

– Что и требовалось доказать: успешные мужики не женятся на бледной моли и серых мышках. Это бывает только в женских романах. Вы, женщины, все хотите успешных. Почему мы, мужики, должны вести себя по-другому? Никто не хочет быть нянькой тупой курицы.

Нет, это просто невыносимо! Только не сейчас!

– Спасибо, что выслушал. И за курицу, мышь и моль тоже спасибо! Тебе бы передачу «В мире животных вести», – я встала со стула.

– Мы не закончили, – он бесцеремонно схватил меня за плечо, усаживая назад.

– Нет, мы закончили, – я сняла его руку со своего плеча. – Хватит! Я тут душу изливаю перед фактически незнакомым человеком, а ты...

– Телефон его зачем взяла? – перебил он.

– Просто так.

– Врешь, как дышишь.

– Не вру.

– Дура. Сама не понимаешь, зачем?

– Что? – я оторопела. – Ты меня душой назвал?

– Так дура и есть. У тебя были три мотива, – он поднял руку и начал загибать пальцы. –

Первый мотив: хотела проверить его телефон, чтобы контролировать отношения. Контроль нужен для снижения твоей тревоги. Тревога возникает от неуверенности в себе. Второй мотив: ты шарить в его телефоне, потому что у тебя проблема с личными границами. Сама позволяешь мужикам их нарушать и даже не замечаешь этого.

– Бред! – возразила я. – Какие-то высосанные из пальца доводы.

– Серьезно? – хищно улыбнулся он. – Я только что трижды нарушил твои границы: когда заставил рассказать, что случилось, не дал тебе уйти и обозвал душой. Оскорбления – это тоже нарушение личных границ. А ты мне подчинилась.

Я растерялась. Никогда не думала о таких вещах.

– Третий мотив, – продолжил он, – ты хотела проверить его телефон, потому что тебе страшно в отношениях, так как он может причинить тебе боль.

– Матвей, ты психолог?

– Нет. Ты не ответила на вопрос: какой из мотивов тебе больше подходит? Или все три?

– Не стану отвечать. Мне советы доморощенного психолога не нужны. Выложи их в интернет, прицепив свою фотографию с томным взглядом. Аля гуру. Девушки толпой набегут.

– А ты не набежишь, Лаура? Ты гордая?

– Да. Если я до сих пор не набежало, – это «о» в окончании слова прозвучало очень ядовито, – то и сейчас точно не набегу. Не люблю коучей и психологические тренинги.

– Тогда уходи, – Матвей встал и открыл дверь. – Ты безнадежна. Завтра будет еще один козёл, потом другой. А ты все так же будешь рыдать. Тебе хорошо, когда тебе же плохо. Так привычнее. Не нужно бороться, стремиться к лучшему. Можно придумывать тупые отговорки: «Мне не везет, я проклята. Меня укусили в попу демоны, когда я еще сучила ножонками в колыбельке. Или луна была в той фазе, когда Стрелец зашел в пятый дом раком». Что у тебя еще там в запасе нытья? Астрология? Карты Таро? Народные заговоры? Усушка, приворот, отворот?

– Не смешно, – мой голос предательски задрожал.

– Согласен. Вообще нет. Это зубодробительно скучно, – зевнул он. – Как у Пушкина: «Мне скучно, бес!» Ах да, забыл упомянуть еще венец безбрачия. Это любимая отговорка ленивых девиц.

– Откуда ты... – я аж задохнулась от неожиданности.

Потому что никому не говорила о своем венце безбрачия. Кроме Светки – моей соседки и самой близкой подруги. Еще мама знает. Но она-то точно не могла ему сказать. Да и Света тоже вряд ли. Во-первых, она точно не знакома с Матвеем. Во-вторых, при всей болтливости у нее рот на замке в тех случаях, когда это необходимо.

– Да вы все, как под копирку сделаны, – Матвей скорчил кислую мину. – Нет денег – закинь красные кружевные трусы на люстру. Мужик игнорирует – вырежи серединку у яблока, вложи записку с именем бедолаги, завяжи ниткой и повесь на солнце. Как яблочко сгниет, так милый и придет. Потому что всегда есть подруга подруги, у которой есть подруга, и у ее сестры это точно сработало. Я же говорю: скучно. До свидания, Лаура, – он нарочито зевнул.

Я пошла к двери, на ходу проверяя телефон в сумочке. И вдруг у меня возникло чувство, что мной искусно манипулируют. Я попыталась вспомнить, как Матвей вчера подсел ко мне в баре. Рядом сидели красивые девчонки, но он выбрал меня. Предложил бумажные платки. Я

не плакала. Хорошо это помню, но он точно знал, что они понадобятся. Озаренная внезапной догадкой, я повернулась к нему:

– Тебя подослали. Мы не просто так познакомились. Кто это? Мой бывший? Какой из них?

– Да кому ты интересна? – улыбнулся он.

И вдруг прижал локти к бокам, взмахнул руками, имитируя, как курица пытается взлететь, и громко закудахтал.

Кровь бросилась мне в голову. Щеки обдало жаром. Никогда и никто так не издевался надо мной. И не будет. Потому что я ему не позволю.

– Да кто ты такой? – заорала я с надрывом, да так, что аж уши заложило.

Все нервы, разочарование и боль вложила в этот крик.

– У меня высшее образование! Я в совершенстве знаю два языка: английский и испанский. Ты много видел тупых куриц, которые преподают? И не где-нибудь, а в престижной языковой школе? Лучшей в Москве! Кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать? Коуч из интернета? Две книжки прочитал и возомнил себя психологом?

– Остановись! – он поднял руки. – Вот так и зафиксируйся. Мне нравится твоя злость. С этим уже можно работать. Никто меня не подсылал. Я – психотерапевт-гипнолог. Занимаюсь регрессивным гипнозом. Или ретро-гипнозом, как его чаще называют. Поэтому и прочитал тебя с такой легкостью. Так чем ты пользовалась, чтобы мужика зацепить? Астрология? Или заговоры?

На меня вдруг навалилась дикая усталость. Не физическая, нет, моральная. Она гораздо хуже. Выжигает всё внутри. Не вздохнуть, не охнуть, вообще жить невыносимо. А если Матвей реально поможет? И чего я стесняюсь? Ну психотерапевт. Ну и что? Да хоть черт в ступе!

Не стеснялась же я ехать через все Подмосковье в темноте, на ночь глядя, к потомственной белой ведьме, которая специализируется на венцах безбрачия.

В такую глушь тащилась, что ее даже нет на навигаторе. Лучшая подруга Светка сидела в машине рядом со мной, нервно крестилась и обещала не сдаваться без боя насильникам и ворам. Машину подбрасывало на лесной дороге.

– Ой, мама дорогая! – взвизгивала Светка при каждом толчке. – Лаурочка, я тебе всем святым клянусь: твоя мамашка тебя нарочно отправила к этой ведьме, чтобы в глухом лесу извести. Она от тебя хочет избавиться законным методом. Вот сгинем здесь – и ручки у нее чистые будут. Мол, не виноватая я. Дочурка сама в лес зашла и ласты склеила, как Мальчик со Средний Пальчик.

– Свет, тебе бы не детей русскому языку и литературе учить, а страшные сказки писать.

– Угу. Если выберусь отсюда, так напишу. Буду, как братья Grimm, которые сначала на своей заднице пробовали все приключения, а потом красочно описывали.

У нас с мамой отношения очень натянутые. Но в такие вещи как сглаз, проклятие и венец безбрачия она свято верит. И по-своему пытается помочь. Потому что когда-то она сама долго не могла забеременеть. Отец тогда работал на Кубе в секретном институте экспериментальной медицины. Вся кубинская медицина существовала для того, чтобы продлить жизнь Фиделю Кастро. Ресурсов на это не жалели. В СССР занимались тем же, пытаясь создать касту вечных кремлевских старцев. Поэтому многие советские специалисты работали на Кубе. Да и после развала СССР новое правительство России продолжало помогать кубинцам, надеясь со временем получить крупные дивиденды в виде революционных медицинских технологий.

Маме жить на Кубе с папой не разрешали. Но давали трехдневные свидания раз в несколько месяцев. Да и то потому, что мой дедушка, мамин папа, был сначала генералом КГБ, а потом и ФСБ.

Врачи разводили руками, говорили, что у мамы и отца всё в порядке, и непонятно, почему она не может иметь ребенка. И тогда от отчаяния мама пошла к брухо – кубинским

колдунам. Два дня спустя вышла оттуда, как в дурмане. Ничего не помнила. Только кольцо обручальное на ее руке было всё в крови. И колдуны сказали ей кровь не смывать. Пусть сама высохнет. Тогда и желание сбудется. Вскоре после этого мама забеременела мной. А через семь лет еще и мой брат Витя родился. Поэтому мама мне посоветовала съездить к этой ведьме.

Но ведьма, едва взглянув на меня, заявила:

– Не возьмусь. Порча на тебе. Плохая энергии силы бешеной. Я такой и не видела вовсе.

– Цены на бензин – вот эта плохая энергия! – возмутилась Светка. – Мы сюда столько часов перли, а вы даже поговорить нормально не соизволите. Да вы что? Ну нельзя же так! Моя подруга страдает! А вы ей помочь не хотите

– Не наша это магия, – покачала головой ведьма. – Слышала я про такую, но сама не работала с ней. Уезжайте. А то потом дом со двором от порчи вашей не отмою и не отмолю. На меня перекинется. Идите, девушки, не доводите до греха! – она замахала руками, выгоняя нас.

А потом вдруг ткнула в меня пальцем и добавила:

– Жить, значит, страдать. А страдать, значит, искать смысл своего страдания. Оно тебе зачем-то дано. Найди этот смысл, тогда твой венец безбрачия сам с головы и упадет.

Легко сказать! Чувствуя себя полной дурой, я тогда вернулась в машину. Двадцать первый век, интернет, сотовая связь. А я ищу, кто бы снял венец безбрачия. Но в глубине души я знала, что он есть. Чувствовала этот черный кокон, что вьется над головой, как вечная корона.

Эйнштейн как-то сказал, что всё в этом мире просто энергия. И что есть такие виды энергии, о которых мы даже не подозреваем. Но это не значит, что их нет. Может быть, через сто лет даже изобретут какие-то таблетки от порчи. Но меня уже не будет. Я же не виновата, что родилась здесь и сейчас. Вот и мама говорила, что всё время чувствовала этот черный кокон, который мешает дышать. Он обволакивал ее живот, не давая зачать. Маме было еще тяжелее, чем мне. Я хоть с ней могу поговорить об этом. А она дочь генерала, заядлого атеиста. Мама даже произнести вслух не могла такие слова, как порча и сглаз. А ведь кубинские колдуны ей помогли. Не знаю, что именно сработало в ее случае, но ведь сработало же. Может, и мне сейчас не отворачиваться от шанса? Ведь не просто так именно Матвей подсел ко мне в баре. Может, вселенная, наконец, поняла, что хватила лишку, издеваясь надо мной, и решила всё исправить?

– Всего понемногу, – ответила я и села на кровать. – Немного астрологии, капелька магии, чуть-чуть заговоров. Матвей, что такое регрессивный гипноз?

– Расскажу, когда приедешь ко мне в клинику, – он протянул мне элегантную черную визитку. – Завтра в семь вечера. Можешь?

Я повертела визитку в руках, читая витиеватые серебряные буквы на темном фоне. От работы недалеко. Завтра в шесть заканчиваю, еще и кофе успею выпить перед визитом к нему.

– Приеду ровно в семь.

Матвей

Он едва успел завести мотор машины, как телефон нетерпеливо загрезвонил.

– Почему вы до сих пор не позвонили? – голос заказчика дрожал от нетерпения.

– Не успел, – Матвей плавно тронул машину с места.

– Я плачу вам не за это, – полыхнули огнем на том конце линии.

– Еще не платите, – ледяным тоном Матвей осадил заказчика.

Никому и никогда, ни за какие баснословные гонорары он не позволял разговаривать таким тоном.

– Лаура купилась? Удалось убедить ее посещать ваши сеансы?

– Да.

– Что с вами? – возмутился заказчик. – Каждое слово нужно тянуть клещами!

– Послушайте, у меня не бывает промахов. Вам должны были это сказать, когда направили ко мне, – терпеливо объяснил Матвей. – Первый сеанс с Лаурой будет завтра.

– Я хочу видеоотчет. Вы ведь, наверняка, всё записываете на видео. Все психотерапевты и психологи так делают.

– Записываю. Но все видеозаписи остаются у меня. Я пришлю вам краткий отчет о результатах или их отсутствии.

– Почему отсутствию? Нет, мы так не договаривались!

– Мы договаривались, что я начну с ней работать, – спокойным тоном объяснил Матвей. – Чем это закончится никто не знает. Результаты всегда разные. Я не шарлатан, не клоун, а ретро-гипнолог. Эту область только начали изучать. В России я вообще один из первых. Если хотите реальные результаты, то ничего обещать не могу. Если вы о нашей договоренности, то да. Насчет этого можете не волноваться. Результат будет. Но точно не с первого сеанса. Мне нужно понять, с чем мы имеем дело. Реальное дело, а не ваши фантазии. Извините, я за рулем. Не могу больше разговаривать, – он прервал беседу и шумно выдохнул.

Что-то здесь не складывалось. Не такой он представлял себе Лауру, когда брался за это дело. Наверное, придется лгать больше, чем Матвей рассчитывал. Как хорошо, что он привык лгать пациентам.

Глава 2. Океан памяти

В профессии психотерапевта без этого нельзя никак. Люди приходят на сеансы, чтобы узнать правду о себе. Якобы узнать. На самом деле правда им не нужна. Они платят немалые деньги за благодородную ложь. Чтобы психотерапевт сказал им, что они лучше, чем есть на самом деле.

Ретро-гипноз – это метод психотерапии, который базируется на погружении в собственную память в состоянии эмбриона и дальше, в генную память рода. Очень часто случается, что все проблемы в жизни – это последствия неправильных решений наших предков или наши собственные ошибки в прошлых жизнях.

Богатые скучающие дамочки, приходя на регрессивный гипноз, все как одна хотели вспомнить, как в прошлых жизнях были Клеопатрами и Нефертитями. Реальность была печальной. В генной памяти большинства этих светских красоток с перекаченными утиными губами, были сплошные жабы и змеи. Наверное, поэтому они так хладнокровно шли по чужим головам в этой жизни.

Скрепя сердце Матвей объяснял им, что с первого сеанса невозможно полностью погрузиться в память предков. И что Клеопатра обязательно есть где-то там, далеко, но нужно прийти еще на десять сеансов, чтобы ее обнаружить. После полного курса терапии Матвей, не дрогнув ни единым мускулом на лице, сообщал уткогубым, что нечто царское в них, несомненно, есть. Но оно погибло под грузом жизненных обстоятельств. Поэтому необходима полная перестройка жизненных ценностей, возвышение над сиюминутным, и, несомненно, поиск духовности.

Девушки с радостью соглашались. Потому что духовность вошла в моду. Она стала новым трендом. Под духовностью девушки понимали не размышления, учебу и строгие ограничения, а поездку в экзотические страны к жадным гуру, которые за большие деньги вещали избитые истины.

Девушки погружались в мнимую, дешевую и доступную духовность. Забывали о яхтах, шубах, бриллиантах. Обвешивали руки и шею дешевыми бусами с очень глубоко скрытым смыслом, облачались в белые одежды из органических материалов, и радостно выкладывали в интернет многочисленные фото собственного просветления.

Дошло до того, что многие очень богатые мужчины пачками отправляли к Матвею не в меру зарвавшихся алчных жен и любовниц, чтобы он вправил им мозги. Так как их духовность стоила гораздо дешевле, чем содержание в Москве.

Гонорары уставших от трат любовниц папиков позволяли Матвею заниматься серьезными исследованиями. Хотя бывали действительно интересные случаи. Например, пару месяцев назад к Матвею пришел известный бизнесмен с просьбой выдать партнера из бизнеса. Партнер пережил расставание с девушкой, запил, зачудил, но продавать долю в бизнесе отказывался. На первом же сеансе у него обнаружили воспоминания из прошлой жизни, в которой он был монахом-аскетом в тибетском монастыре. К третьему сеансу пациент осознал всю тщетность нынешнего бытия и понял, что его сегодняшние проблемы тянутся из прошлого. Пришел к выводу, что нужно избавиться от бизнеса и уехать в монастырь. Гонорар его счастливого бизнес-партнера превзошел все ожидания Матвея. Но Матвей поехал в монастырь за пациентом и еще два месяца работал с ним совершенно бесплатно, собирая материалы для научной работы.

Ситуация с Лаурой была неприятной для Матвея. И хотя заказчики обещали ему крупную сумму, но и работа была сложной. И очень мерзкой. Чисто по-человечески ему было жаль девушку. И Матвей уже готов был отказаться от терапии. Но заказчик поднял цену вдвое. И Матвей сдался. Этих денег хватит, чтобы открыть свой медицинский центр и спокойно зани-

маться любимым делом, не отвлекаясь на ерунду. В конце концов, за всеми научными открытиями стоят чьи-то слезы. Вся наука держится на жертвах. А эту девушку он даже не знает. И, кстати, при личном контакте Лаура его сильно раздражала свой амёбностью. Ни рыба, ни мясо. Хочет большой, чистой любви и в замужу. Но не понимает, что для этого нужно как-то двигать попой. Думает, что всё с неба упадет само.

Лаура

Как только я приехала домой и открыла входную дверь, из соседней квартиры вылетела Светка, моя соседка и лучшая подруга. В любви ей везло почти так же, как и мне.

– Вот мой алмазный венец, – говорила Света, обнимая двух семилетних близняшек-сыно-вей.

Муж бросил Свету через месяц после рождения детей, не выдержав двойного счастья и всего, что к нему прилагалось: пеленок, ночных бдений у колыбельки и вечно поучающей всех Светкиной мамы – заслуженной учительницы как по профессии, так и в жизни. Сыновей он почти не навещал, предпочитая откупаться подарками, которые привозил на работу к Свете. И регулярно платил алименты.

– Ну и видос у тебя! – всплеснула руками Света. – Где ты была? Я уже хотела в полицию бежать!

Но едва я открыла рот, как она заявила:

– Ни слова больше! Быстро в душ, я пока сварю кофе. Мама пирог испекла с яблоками. И подробно всё расскажешь.

Света была на год старше меня. Но профессия педагога накладывала отпечаток. Она регулярно командовала мной, словно школьницей. Спорить было бесполезно. Лучше подчиниться.

Распаренная после горячего душа, прихлебывая поразительно вкусный Светкин кофе, я рассказала ей всё в подробностях.

– Ты меня удивляешь, – Светка откусила большущий кусок пирога и затараторила с набитым ртом. – Первый раз в жизни видишь мужика и изливаешь ему душу. А душа – она ведь как попа и книга.

– Какая глубокая мысль! – я замерла, не донеся чашку до рта.

– Ну, в смысле, что книгу, душу и попу никому нельзя доверять: запачкают и порвут. Я надеюсь, не нужно будет ехать к этому ретро-психу в ночи на другой конец Москвы?

– Нет, – покачала головой я. – У него кабинет в центре Москвы. Недалеко от моей работы.

– И то хлеб, – обрадовалась Светка. – Он хоть нормальный мужик этот ретро-псих?

– Свет, у меня же с ним не свидание, а лечение. Или типа того. Саморазвитие там и прочее.

– Ну да, ну да, – тяжело вздохнула Света. – А потом я тебя после этого саморазвития опять буду по кусочкам собирать? У тебя уже глаз горит!

– Бред! – возмутилась я. – Матвей мне вообще не нравится!

– Ага, я так и поняла, – скептически процедила Светка. – Вот я тебе скажу как учитель русского языка: во всем виновата литература.

– Здравсте! Приехали!

– Нет, ты подожди, – она встала, открыла шкафчик, с сожалением посмотрела на бутылку вина и подлила нам еще кофе. – Вот смотри: Пушкин был повеса, Есенин хулиган, Маяковский – я вообще промолчу, озабоченный на всю голову. Наша женщина с детства впитывает установку, что нужно сначала по большой любви пострадать по хулиганам и бабникам, и только потом выйти замуж за нормального Васю Пупкина. Который, может, и без фантазии, но зато заработает на еду, чтобы дитям в клюв бросить, кран починит и шубу купит. Пусть в кредит, но купит. Поэтому я тебя спрашиваю: твой ретро-псих может тебе в башку вложить, чтобы ты искала не Есенина, а сразу Васю Пупкина? – она внимательно посмотрела на меня и сделала эффектную паузу.

Я молча пила кофе.

– Понятно, – подытожила Света. – Листья падали с дуба-ясеня, ни х... гхм... ничего себе, ничего себе. Посмотрю окно – и действительно: ох... гхм... упоительно, восхитительно.

– Пошлячка, – я подвинула поближе к себе яблочный пирог.
– Это Есенин, кстати, – Света подняла указательный палец. – Может, и грубо, зато точно про тебя. – У меня еще вопрос: твоя мама тебе от наследства отца что-то отстегнет?
– Оставь, Свет, меня это не волнует. Сама все заработаю. Квартира есть и ладно.
– Но завещание уже огласили?
– Там какая то проблема с лицензией на папино открытие.
– На какое открытие? – мертвой хваткой вцепилась в меня подруга. – Этот его чудо-препарат? Лекарство от всего? А что с лицензией? Вроде бы она на твоего папу и оформлена. Он же всю жизнь им занимался. Или нет?

– Свет, не знаю. Не слушала я, понимаешь? Сидела и редела. У меня мозг отмер в этот момент. Это было через неделю после похорон папы. Мама сама там разберется. Тем более, что лучший друг нашей семьи адвокат.

Генрих Страуме был одним из самых известных московских адвокатов и близким другом нашей семьи. Вернее, другом мамы. Они были знакомы с молодости. Мама была одной из первых моделей легендарного советского модельера Славы Зайцева. Генрих тогда учился на юридическом и подрабатывал мужской моделью в доме моды Зайцева. Папа Генриха не слишком любил, считая скользким и алчным типом, но многолетней дружбе не препятствовал.

Света отхлебнула кофе и спросила:

– А тебя этот лучший друг семьи не напрягает? Лаурочка, ну не будь ребенком! Какая дружба?

– Хватит, Света, – решительно осадил я подругу. – Это отношения моих родителей. Если папу все устраивало, то нечего об этом говорить.

– Ладно, – согласилась Света. – Тогда вернемся к наследству. Квартирка у тебя – каморка, как у мышки-норушки. Машина такая, что ты в ней как лягушонка в коробочке громыхаешь. Папа твой был бессребреник и ты такая же. А мамуля-то вся в гламуре с головы до ног. Братик после МГИМО в Лондоне стажуется. И они тебе, как Золушке копеечку бросают. С какой радости, Лаурик? Где ты маме своей так дорогу перешла?

– Нигде, – я встала, подошла к раковине и принялась мыть чашку тщательнее, чем следовало, чтобы не встречаться взглядом со Светой.

Она, конечно, слишком прямолинейная. Зато нож за пазухой не держит. Просто я сама часто задавала себе этот вопрос: почему мама такая холодная и отстраненная со мной?

Как-то так сложилось, что я папина дочка, а Витька, мой брат, мамин сын. Глупо, конечно. Хотя и папа в последние годы от меня отдалился. Но всё же перед смертью позвонил мне за несколько минут. Он очень хотел со мной попрощаться. Пытался что-то рассказать, но не успел. Задыхаясь с трудом выдавил одну фразу:

– Виноват я перед тобой, дочка. Очень виноват! Исправлю всё. Слушай меня внимательно...

И всё. Связь оборвалась. Его так и нашли с телефоном в руках.

За стеной что-то грохнуло. И как раз за этой стеной находилась кухня Светы.

– Господи боже мой! Мои спиногрызы сейчас весь дом разнесут! Вылитый их папаша. Ни на минуту оставить нельзя! – Света вскочила и, теряя домашние тапки, помчалась к себе проверять: осталось ли что-то от квартиры после проделок ее близнецов.

Я села за кухонный стол, открыла ноутбук и попыталась подготовиться к завтрашним занятиям. Но мысли металась между козлом Алексом, который меня бросил, и Матвеем, который неожиданно вызвался помочь.

В клинику Матвея я приехала на пятнадцать минут раньше, стгорая от нетерпения. Неужели он сможет мне помочь? Может быть, и в моей жизни, наконец, начнется светлая

полоса? Собственно, клиника представляла собой небольшую приемную, посреди которой гордо восседала пожилая и очень приветливая секретарша.

– Матвей Андреевич уже закончил с предыдущим пациентом. Вы можете зайти, – она указала на черную дверь в углу приемной.

Я пошла к двери, взялась за ручку и в этот момент дверь резко распахнулась и больно стукнула меня по лбу. Из глаз едва не посыпались искры.

– Японский бог! – раздался над ухом густой бас. – Я вас убил. Честное слово! – сильные руки подхватили меня и усадили на стул.

Надо мной склонился здоровенный мужик с широченными плечами. Он озабоченно взгляделся в мое лицо.

– Вы как? Видите меня? В глазах не двоится? – он буквально пополам сложился, положив руку мне на плечо.

– Сейчас лед принесу, у нас есть, – секретарша метнулась к маленькому холодильнику возле окна.

– Не нужно, – отмахнулась я. – Уже все в порядке. Жить буду.

– Не, девушка, вы с этим не шутите! Я вам как бывший боксер говорю: когда по голове прилетает, нужно в больницу ехать. А вдруг сотрясение мозга?

Я хотела ответить, что мой мозг так привык регулярно сотрясаться, что ему уже все равно: ударом больше или ударом меньше. Но не успела. Едва открыла рот, как в приемную зашел Матвей.

– Что здесь происходит? – он склонился надо мной.

– Матвей, я только что чуть не убил твою самую красивую пациентку, – виновато пробасил здоровяк.

– Никита, есть в этой жизни что-то, что ты еще не сломал? – Матвей неожиданно ловко и быстро оттянул мое веко, всматриваясь в зрачки. – В глазах не двоится? Вот так не кружится? – он осторожно повернул мою голову вправо и влево.

– Да нет, всё хорошо, – я встала.

– Точно не кружится, когда ты встала? – Матвей подхватил меня под руку.

– Точно.

– Вот я же и говорю: давайте в больницу отвезу, а то мало ли. Док, ну скажи ей! Ты же, как мозгоправ должен знать, что мозги лучше проверять, – сказал здоровяк.

– Никита... – Матвей замолчал, и я поняла, что ему очень хочется отпустить едкое замечание насчет мозгов здоровяка.

Капли яда готовы были сорваться с его языка, но медицинская этика победила.

– Всё, что мог, ты уже сделал. Иди-ка лучше домой, – Матвей похлопал здоровяка по плечу.

– До свидания, принцесса! – Никита прижал огромную лапищу к груди.

На его лице было написано такое явное огорчение, что я не выдержала и рассмеялась:

– Хорошего дня! – я вложила в эту фразу всю свою доброжелательность.

Шагнув из приемной вслед за Матвеем, я словно попала в другой мир. Мы оказались в маленьком, узком и полутемном коридоре. В темно-синих стенах, обитых тканью, утопала россыпь светильников в виде звезд. Несколько шагов – и мы оказались в кабинете Матвея. Я невольно ахнула. Здесь тоже было полутемно. Одну стену занимал огромный аквариум с синей подсветкой. Возле него стояла черная, кожаная, анатомически изогнутая кушетка. Напротив стояло удобное кресло возле письменного стола из черного дерева.

Матвей опустил в кресло и жестом пригласил меня сесть на кушетку.

– Какая красота! – восхитилась я, разглядывая аквариум. – Такой интересный декор! Чувствую себя в подводном царстве.

– Это не декор, – улыбнулся Матвей. – Это часть терапии. Вода помогает сконцентрироваться. Мы попытаемся достучаться сначала до твоей памяти еще до рождения, то есть эмбриональной. А потом до генной памяти предков.

– То есть, фактически, до моих прошлых жизней? – уточнила я.

– Можно и так сказать, хотя я не очень люблю это определение. Лаура, пойми, это не мистика, не эзотерика, и тем более, не колдовство. Всё это хранится в нашем мозге. И нам нужно это достать. То, что ты называешь венцом безбрачия и проклятием – это не нечто паранормальное. Это психокод. Нейролингвистическое, то есть, словесное программирование тебя на эмбриональном уровне. Когда-то очень давно кто-то внушил тебе эту установку, намертво вбил ее в голову. Может быть, даже специально. А может быть, нечаянно. Родители так часто делают, совершенно не задумываясь, что у каждого слова, сказанного ими ребенку в раннем возрасте, могут быть непредсказуемые последствия. Вот эти все родительские поучения: «Из тебя ничего путного не получится, полы мыть пойдешь, ничего не добьешься, потому что ты ленивый, никчемный и неорганизованный» они очень опасны. Особенно у девочек, так как женщины больше восприимчивы. Мама и бабушки часто ворчат: «Посуду не помыла, комнату не убрала, кто тебя такую замуж возьмет?» Это и есть словесное, то есть, научными словами: нейролингвистическое программирование. Это чистые психокоды, определяющие наше поведение на много лет вперед.

– То есть, как вы яхту назовете, так она и поплывет? – уточнила я.

– Совершенно верно, – обрадовался Матвей. – А ты умница. Сразу ухватила суть. Многим тяжело это понять с первого раза.

– Хорошо, как это работает, когда ребенок уже родился и растет, я поняла. Но ты, Матвей, сказал про эмбриональный уровень. То есть, когда я была зародышем, меня уже кто-то поучал? Так?

– Нет, Лаура, не так.

Матвей встал, подошел ко мне, сел на кушетку и взял меня за руки. Неожиданно от его физической близости у меня закружилась голова. От него пахло сложным мужским букетом: дорогим одеколоном, шампунем для волос и... неуловимой и притягательной силой. Словно воздух качнулся вокруг меня, обволакивая, успокаивая, и, к моему великому ужасу, возбуждая. Странно, что вчера утром, когда мы проснулся в гостинице в одной постели, этого ощущения не было. Возможно, на меня так повлияла таинственная атмосфера его кабинета. Или просто вчера похмелье отключило все ощущения.

– Ты не со мной, Лаура, – донесся издалека голос Матвея.

Он улыбнулся, его ловкие, длинные пальцы нежно прикоснулись к моим волосам и убрали непослушную прядь за ухо.

– Извини, просто задумалась. В аквариуме вода журчит, убаюкивая, поэтому немного отвлеклась.

– Это хорошо, – кивнул он, – будет легче работать. Так вот возможно, что твои родители сильно кого-то обидели. Тебя еще и в проекте не было или была, но в состоянии зародыша, и обиженный проклял тебя. То есть, наложил словесный психокод. Младенец в утробе матери не только всё слышит, но всё понимает. Просто потом забывает при рождении. Но именно в этот период и закладываются нормы поведения, его основные линии и модели. Ты услышала проклятие, плавая у мамы в животе, оно прочно укоренилось в твоём сознании. На подсознательном уровне ты решила, что тебе в жизни не повезет в любви. А многочисленные тарологи, астрологи, ведьмы и шаманы укрепили тебя в этой мысли. И ты начала вести себя с мужчинами так, чтобы они точно тебя бросали с завидной регулярностью.

То есть, сама виновата. Дайте Нобелевку за гениальное открытие. Кажется, я трачу время зря. Для такого шедеврального озарения не стоило переться после работы сюда. Наверное, досада отразилась на моем лице. Потому что Матвей поспешно добавил:

– Нет, ты не виновата. Виноват психокод. И да, нам нужно найти ту точку, с которой начались проблемы. Тот самый момент, когда зародился этот проклятый психокод, который ты называешь венцом безбрачия. И тогда мы сможем с этим бороться.

– Легко сказать, – вздохнула я.

– Ну вот ты и начала ныть, – резким тоном заявил Матвей, встал и пересел в кресло. – Вот оно! Ты уже заранее знаешь, что проиграешь.

– Извини.

– Не извиняйся, слышишь? Никогда не извиняйся за свои слова. Это проявление слабости. Что сказано, то сказано.

Он глубоко вздохнул и крутанулся в кресле, повернувшись ко мне спиной. Я почувствовала, что раздражаю его, и сжалась на кушетке. Да, я не героиня, не железная леди, но зачем же так? Он на меня так посмотрел, как Морозко из сказки «Двенадцать месяцев». У меня даже ноги заledenели. Тепло ли тебе, девица? Да я сейчас окочурюсь, батюшка!

– У нас у всех, Лаура, есть сознательное, – Матвей явно успокоился и повернулся ко мне, – то, что мы помним и знаем. И бессознательное, которое делится на три уровня. Первый уровень – личное бессознательное. Твои собственные воспоминания, вытесненные на чердаки памяти. Потому что они болезненны или вовсе не важны. Второй уровень – перинатальное бессознательное – твои переживания, когда ты была эмбрионом. Пройдя травму рождения, ты всё забыла. И третий уровень – трансперсональное бессознательное. Опыт твоих предков, их генетическая память. Нас с тобой, Лаура, волнует второе и третье бессознательное. Именно для этого мы и воспользуемся ретро-гипнозом. И нам в этом помогут водный лифт, – он указал на аквариум, – и холотропное дыхание.

– Какое дыхание? – переспросила я.

– Холотропное. Сочетание интенсивного глубокого дыхания и музыки. Учащённое дыхание вызывает гипервентиляцию легких и состояние, близкое к трансу. А специальная музыка усиливает эмоции, – Матвей открыл ноутбук и включил музыку. – Ложись, – он подошел ко мне, сел рядом на краешек кушетки и вытащил из кармана кулон на длинной цепочке: большой, размером с куриное яйцо голубой камень, внутри которого вспыхивали серебряные искорки.

– Вначале будет трудно, Лаура. Но потом ты привыкнешь и будешь спускаться всё дальше и глубже в пропасть памяти. В первый раз тяжелее всего. Ты должна глубоко и часто дышать, – он начал водить кулоном перед моими глазами.

Я послушно задышала часто и глубоко. Голубой камень вспыхивал искрами в синих сполохах аквариума. Музыка была негромкой, но африканские барабаны завораживали своим ритмом. Я засмотрелась на камень. Всполох, голубой камень, синий свет, чей-то вскрик под барабан, шум воды. Прибой. Где-то рядом разлилось море. Запахло бризом. Мои глаза сами собой закрылись.

– Ты должна представить себе память как океан. Огромный, безмерный, в нем так легко затеряться. Ты подходишь к берегу. Из пены прибоя поднимается лифт, сделанный из воды. – Ты заходишь в лифт. Двери медленно закрываются. Лифт скользит вниз, на дно океана, – голос Матвея звучит всё глуше, всё дальше, пока не превращается в едва слышный шепот. – Вот ты проезжаешь первый этаж, это твоя жизнь, и спускаешься ниже и ниже.

Шум воды стал громче. Запах моря резче. Барабаны захлебывались рваным ритмом, словно кто-то задыхается, и вот-вот умрет. И еще запах. Такой специфический, очень знакомый, но давно забытый запах спелых фруктов. Сочных, мягких, почти сгнивших, и поэтому таких сладких. Куба! Я вспомнила этот запах. Так пахло на Кубе в моем детстве. Почему забыла это всё?

– Вот тебе двадцать лет, Лаура, – голос Матвея сливается с шумом Карибского прибоя. – Потом тебе десять лет. А сейчас ты в утробе матери.

Его голос исчез. Я оказалась в какой-то комнате. За окном плескалось море. Оно было огромным, нервным и очень шумным. По комнате двигалась, пританцовывая, женщина. Худощавая, миниатюрная, с длинными каштановыми волосами, она что-то тихо напевала. Мелодия показалась мне знакомой. Незнакомка приблизилась ко мне, не замечая. Она стояла ко мне спиной. Я протянула руку и положила ей на плечо. Она медленно обернулась, и я увидела, что ей лет двадцать с небольшим, а еще, что она глубоко беременна. Большой живот смотрелся очень странно на ее худеньком теле. Месяцев восемь, не меньше. А то и все девять.

– Ты пришла, – прошептала женщина, радостно улыбаясь.

Я оглянулась. Может быть, в комнате есть кто-то еще? Как-то не так я представляла себе погружение в океан памяти. Мне казалось, что незнакомка не должна меня видеть. Как в кино, когда призрак смотрит из какой-то темной щели, как люди занимаются своими делами. Я для нее призрак. Меня нет в ее настоящем. Это просто мое воображение.

Окно распахнулось. Ветер ворвался в комнату. Брызги океана оросили мое лицо. Ветер был злым и колючим, хотя за окном было жаркое лето и неизменные пальмы. Да, это была Куба. Я бы ее ни с чем не перепутала. Мое детство прошло там до пяти лет. Когда я родилась, маме разрешили жить с папой в кампусе для женатых. Потом мы вернулись домой в Москву. И все, я что помню – это жара, пальмы, шум моря и особый запах кубинского воздуха, насыщенного переспелыми фруктами и специями. А также тяжелым и мокрым ароматом сейбы – дерева-бутылочки, символа Кубы. Оно собирает в бутылочный ствол воду, поэтому у него тяжелый, слегка прелый аромат мокрой древесины.

Внезапная тревога исказила лицо женщины. Она вдруг громко запела по-английски. И я, наконец, узнала эту мелодию: плач Дидоны из оперы «Дидона и Эней». Не люблю оперу в принципе. Но эту арию часто слушал папа. Женщина выводила чистым и высоким голосом:

Remember me, remember me, but ah
forget my fate.

Помни меня! Помни меня, но... о,

забуди про мою печальную участь.¹

Внезапно в стекло врезался огромный камень. И стекло взорвалось осколками. Они брызнули вниз, а в комнату ворвалась моя мама. Она была такой молодой, что я даже не помню ее в этом возрасте. Беременная незнакомка побледнела и замолчала. Внезапно бросилась ко мне, толкнула в грудь обеими руками и закричала:

– Уходи! Тебе здесь не место!

– Лаура, возвращайся! – донесся издали голос Матвея.

– Уходи! Ну же! – женщина еще раз толкнула меня что было сил.

Я врезалась спиной в стену и... пришла в себя на кушетке в кабинете Матвея.

---

¹ Эту арию лучше слушать в современной обработке. Ее можно найти на ютубе, если в строке поиска написать по-русски: Энни Леннокс, плач Дидоны. Или по-английски: Annie Lennox – Dido's Lament

Глава 3. Ударный кавалер

Я пришла в себя на удобной изогнутой кушетке. В ушах еще звучали барабаны, хотя в кабинете было тихо.

– Что ты увидела, Лаура? Расскажи всё до мельчайших подробностей. Постарайся ничего не упустить. Именно в деталях иногда и содержатся ответы. Смотри в объектив, – он показал на камеру, установленную на высоком штативе напротив кушетки.

Задыхаясь от волнения, я ему всё рассказала.

– Кто эта женщина, Матвей? И при чем здесь моя мать?

– Странно, – он взволнованно зашагал по кабинету. – В такой ситуации ты должна была напрямую общаться именно со своей матерью. В этом суть ретро-терапии. Кто эта женщина? И почему она пела арию Дидоны? Помни меня, но не забывай про мою печальную участь? Что это значит? Попытайся вспомнить: эта женщина не называла тебе своего имени?

– Точно нет. Я помню всё так ясно, словно мне показали фильм.

На меня навалилась дикая усталость. Захотелось сбежать из этого аквариума на свежий воздух. И как можно скорее.

– Пойду, – я встала с кушетки.

– Подожди, Лаура, тебе нужно немного полежать и отдохнуть.

– Нет, пойду.

Я быстро вышла из кабинета, пробежала через синий коридор и приемную, и, наконец, вышла на улицу. Воздух! Как же хорошо вздохнуть полной грудью. Еще тепло, конец августа, но уже отчетливо ощущаются осенние пряные нотки. Как в тех спелых фруктах, которыми пахнет Куба. Что это было сейчас там, на сеансе? Мама была такой молодой и красивой, но явно злилась на ту женщину. Может быть, позвонить ей и спросить? Но что конкретно спрашивать:

– Мам, извини, я тут побывала в прошлом. Ты не помнишь случайно, с кем поругалась на Кубе лет тридцать назад?

Нет, не рискну. Мама ненавидит Кубу и морщится при одном ее упоминании. Поэтому папа всегда рассказывал мне об этой стране, когда мамы не было рядом.

– А я уже заждался. Думал: ну всё, утащил док принцессу в тёмное царство, – мои мысли прервал густой бас.

Я вздрогнула от неожиданности. Тот самый здоровяк, что ударил меня дверью, ждал возле входа в клинику, облокотившись спиной о черный «Джип Эванджер».

– Напугал? Извините! На всякий случай представлюсь еще раз, если после моего удара вы не запомнили. Я – Никита, но для друзей просто Кит.

А он и был похож на Кита. Большой и добродушный. Крепкий и ширококостный мужик. К такому хочется прижаться, чтобы от всего заслонил.

На ярком солнце он смотрелся эффектнее, чем в кабинете Матвея. Что неудивительно: сложно рассмотреть человека, если из глаз сыпятся искры от удара. Высокий, мощный, но не квадратный, как качки, а пропорциональный. Короткий ежик светлых волос, карие глаза, лицо довольно узкое для такого мощного тела. Скулы такие высокие, что, кажется, будто глаза чуть раскосые. Внешне похож на актера Сидихина в молодости. Мой папа его любил. Поэтому я запомнила бесконечные фильмы про братков, в которых он сыграл.

– Нет, не напугали, – улыбнулась я.

– Давайте все-таки отвезу в больницу, – он шагнул ко мне и протянул руку ладонью вверх.

– Прощу вас: не нужно. Спасибо, конечно, но я прекрасно себя чувствую.

– Да ладно, – улыбнулся он, – после сеансов доктора всем малость не по себе. Я вот сладкого очень хочу всегда. Прямо так и съел бы всю кондитерскую вместе с витриной и главным кондитером. Вам точно хочется. Нет, не возражайте! Давайте руку.

Я положила руку в его ладонь. Он накрыл ее второй рукой.

– Всё, вы в плену, принцесса. Не вырваться. Я же бывший боксер, да еще и в тяжелом весе. У меня захват смертельный. Так что не сопротивляйтесь. Мы едем в ресторан есть сладости и пить кофе ведрами.

Ну и кавалеры у меня пошли. Ударные во всех смыслах. До ретро-гипноза меня хотя бы по голове не били. Как-то не так у меня работает терапия. Но этого ему, конечно, говорить нельзя. Мужик и так переживает.

– Ну если выхода нет, – притворно вздохнула я.

– Вообще никакого, – подтвердил он, повел меня к машине и распахнул дверь:

– Прошу.

Я удобно устроилась на пассажирском сидении. После холодного, как змея, Матвея Никита показался мне теплым солнцем. Захотелось простого человеческого участия. Может быть, Матвей прав, и я действительно слишком доступная? Но как же тогда знакомиться?

Матвей

Что-то здесь было не так. Ошибки в этом случае исключались полностью. За годы практики он видел многое, но не такое. Лаура должна была увидеть себя глазами матери, как бы изнутри. Вместо того ей показали фильм, в котором она была хоть и второстепенным, но всё же реальным персонажем. Бред какой-то! Фантастика. Так не может быть, это в корне неправильно. Хотя мать она видела тоже, но в очень странном ракурсе. Послание оставила не мать, а другая женщина. А такого быть не могло. В принципе исключалось.

Матвей задумчиво повернулся в кресле на колесиках, взял в руки телефон и увидел множество сообщений на ватсапе. Заказчик был нетерпелив и забросал его вопросами. Матвей вздохнул и перезвонил.

– Есть результаты? – голос заказчика дрожал от нетерпения.

– Есть, но очень странные, – осторожно ответил Матвей. – Мне понадобится больше времени, чем мы с вами рассчитывали.

– Это исключено. Времени очень мало.

– Мы не на базаре. Не нужно меня подгонять, – Матвей забарабанил пальцами по столу. – Я перезвоню, у меня пациент, – не слушая возражения на том конце линии, он оборвал разговор.

Может быть, он сам ошибся и неправильно провел введение в гипнотическое состояние? Матвей схватил пиджак и вышел вслед за Лаурой. Она, наверняка, еще на стоянке в своей машине. Если поспешить, то можно ее застать.

– Отмените всех пациентов на сегодня, пожалуйста, – на ходу бросил он секретарше.

Матвей вышел на улицу. Ему хотелось поговорить с Лаурой, обсудить это все. Слишком много вопросов накопилось. Если бы она не сбежала так поспешно, он бы успел их задать.

А вот и она. Матвей поднял руку и хотел было ее окликнуть, но она села в машину Никиты. Только этого тупого качка здесь не хватало! Вот жлобина ловкий. Отирался здесь, пока она не вышла.

– Ну подожди, я тебе сейчас как вдарю интеллектом по тупизне! Моментально отучишься лезть, куда не просят, – прошептал Матвей, садясь в машину.

А Лаура тоже хороша. Никакие грабли ее ничему не учат. По голове получила, но все равно, как собачонка, побежала за первым встречным. Да так резво, что даже забыла о плохом самочувствии после сеанса. Кажется, у нее не венец безбрачия, а венец безмозглости. Курица! Летать не может, но крыльшками бяк-бяк-бяк. Вот курица и есть!

Никита познакомился с Матвеем, когда по советам знакомых привел на сеанс свою девицу. Аппетиты ее росли с каждым днем. На закуску девица потребовала шубу, на горячее Мальдивы, а на десерт новую роскошную машину. Поэтому Никита попросил охладить пыл хищницы. Матвей честно выполнил свою работу. Просветленная девица укатила исправлять ошибки прошлых жизней в Индию к довольно скромному по деньгам гуру. Никита связался с гуру и щедро заплатил ему, чтобы исправление длилось как можно дольше.

Вскоре Никита привел к Матвею еще одну девицу с утиными губами и завышенными требованиями. И ее тоже отправили исправляться в жаркие страны. А потом Никита пришел сам. И грустно сопя, попросил Матвея выяснить, почему он вечно выбирает не тех.

– А почему вы считаете, что они не те? – спросил Матвей.

– Потому что они мне надоедают через месяц. А та самая, одна, точно не надоест.

С тех пор Никита регулярно посещал сеансы. Видимо, они ему помогли. Потому что в первый раз он выбрал не уткогубую, вусмерть обколотую ботоксом девицу с искусственной грудью, а обычную девушку. Умненькую, с которой можно поговорить. Без кричащего маникюра. Довольно приятную в общении, хотя и мышеобразную.

Лаура была худенькая, мелкая, с аккуратным, слегка острым носом, щедро усыпанным веснушками. Прежние девицы Никиты содрали бы с себя кожу живьем, но веснушки извели бы. Так как это не фотогенично! На одежду ей явно плевать. Платьице скромное. Хотя тонкую фигурку подчеркивает, давая возможность рассмотреть, что рассматривать, в принципе, нечего.

Размер бюстгалтера из серии: «Ищите да обрящете». Кроссовки детские: белые, с розовыми шнурками, да еще и хорошо заношенные. Волосы блеклые, светло-русые, средней длины и забраны в хвостик. Ни фенов, ни укладок. Колец и серег нет. Макияжа тоже. Глаза птичьи, кругленькие, но довольно большие. Взгляд типично мышинный, затравленный такой. И не потому, что перенесла горе, а просто такой был всегда. Матвей эту затравленность сразу узнавал. Слишком часто видел у пациентов. Даже цвет глаз никакой: ни голубой, ни серый, вода с мылом.

Матвей был в курсе, что сейчас в моде натуральность. Его бывшая, с которой он встречался три месяца, тратила тонны косметики, денег и краски для волос на эту «натуральность». Матвей, может быть, даже и не заметил бы этого всего, по мужской наивности принимая за настоящее и природное, но ее постоянные окрики: «Не трогай волосы, они уложены! Не гладь мое лицо, оно накрашено» убедили его в том, что натуральность – это просто очень дорогая декоративность.

Особенно его поражало, как она собирается утром на работу. Думая, что Матвей спит, она спокойно красилась. Матвей из-под ресниц пытался сосчитать слои краски, которые она черпала разными кистями из каких-то причудливых коробочек, но очень быстро сбивался со счета. Зато убедился в том, что женский макияж раз в пять сложнее, чем ядерная физика.

Но Лаура явно не владела всеми этими женскими хитростями. И тем более его разозлило, что и без этого всего она быстро нашла себе очередного козла. И это сразу после того, как рассталась с предыдущим. Козломером она также не умела пользоваться, как и косметикой.

И после этого она еще плачет из-за венца безбрачия. Как же его не будет, когда ее так легко уговорить? В первый раз увидела мужика, уже получила от него по голове. Ну насторожись же, дурочка! Может, это вселенная посылает тебе знак? Так нет. Уже запрыгнула в его машину.

Матвей и сам не понимал, почему так злился. Наверное, потому, что его раздражали бесцельные и безвольные. Такие, которых по жизни мотает туда-сюда, а они никак плавать не научатся.

– Доктор, что со мной не так? – спрашивали его пациентки, которые никак не могли завести отношения и выйти замуж.

– Да всё с тобой не так! – мысленно отвечал он, при этом сохраняя профессионально-сочувственное выражение лица и дежурно выдавая успокаивающие фразы.

Такие женщины напоминали ему игрушку-антистресс. Есть такие розовые резиновые свинки. Держишь их в руке, вроде вполне симпатичный поросенок. Бросаешь на пол – он расплывается розовой лужицей. Но как только снова берешь в руку, обретает прежнюю форму, словно и не падал. Вывод: таких женщин нужно все время держать в руках. Они это и сами понимали. Только вот считали, что руки должны быть чужие. И непременно мужские. А Матвей тратил кучу времени и сил, внушая, что руки должны быть их собственные.

Ладно, если он решил с Лаурой поговорить, значит поговорит. Матвей завел машину и направился за черным джипом Никиты. И машина у этого качка такая же тупо-выпендренная, как и он сам. Никита остановился возле итальянского ресторана.

– Ух ты! – восхитился Матвей шепотом. – Сразу из тяжелой артиллерии пальнул. Дорогой кабак!

Жаль, что массивные золотые перстни уже вышли из моды вместе с цепями по три килограмма. Иначе бы это всё точно было на качке. Матвей вышел из машины. Рядом крутился парень в костюме хот-дога и раздавал флаеры с рекламой новой сосисочной.

– Ну привет, веселая сосиска! Маскуними, пожалуйста, если не затруднит, – Матвей помахал купюрой в пять тысяч перед его носом.

Тот опустил вниз сетчатую маску, прикрывавшую лицо, и оказался парнем лет двадцати.

– Студент? – осведомился Матвей.

Парень молча кивнул.

– Заработать хочешь?

– Я не по этим делам, – поспешно ответил парень и спрятал плюшевую сосиску за спину.

– Я тоже, – успокоил его Матвей. – Слушай меня внимательно.

Лаура

Хрупкая официантка еле-еле дотащила до нашего стола поднос, уставленный сладостями и чашками кофе.

– Никита, куда столько? Это же на роту солдат! – я убрала свою сумочку со стола, потому что для нее просто не нашлось места.

– А мы посидим подольше и осилим, – Никита придвинул ко мне тарелку с пирожными. – Рекомендую начать с этого, – он показал на шоколадное буше и сам откусил большой кусок от такого же. – Кажется, у нашего доктора с ними общий бизнес. Я после его сеансов всегда сразу ехал сюда.

– Действительно, после сеанса сладкого хочется, – подтвердила я.

– А ты чем занимаешься? – Никита незаметно перешел на «ты».

– Преподаю английский и испанский в языковой школе «Полиглот».

– Да ладно! – обрадовался он. – Вот это номер! Мне же тебя сам бог послал!

Я даже второе пирожное – бисквитное с ванильным кремом – до рта не донесла. Настолько бурной была его радость, что вызывала оторопь. Он что живого препода никогда не видел?

– Я как раз ищу препода испанского.

Наверное, на моем лице отразилось недоверие. Потому что Никита поспешно начал объяснять:

– Честное слово! Я же бывший спортсмен, у меня сеть спортзалов. Есть вариант вложиться в испанскую компанию по производству спортивного оборудования. Очень крутые штуки делают. Хочу сам туда поехать, все посмотреть. Английский у меня еще с международных соревнований остался. Слабенький, конечно, но объясниться могу. Просто по опыту знаю, что лучше всегда более-менее говорить на языке страны, в которую едешь. Особенно, если собираешься там бизнесом заняться.

– Это да, – подтвердила я. – Стоит еще учесть тот факт, что у испанцев с английским вообще-то не очень.

– Вот, а я же о чем? – Никита залпом махнул стакан воды. – Ну и плюс саморазвитие, и все дела. А то вот говорят, что спортсмены не очень умные, мол, всё в мышцы ушло.

– Это вранье, – успокоила его я и вытащила из сумочки визитку. – Возьми. Повезло тебе. У меня завтра с нуля начинает учиться новая группа, и там есть еще места. Первое занятие бесплатно. Так что сможешь прямо завтра утром начать саморазвиваться.

– Вот спасибо, учительница первая моя, – он как бы невзначай накрыл мою руку огромной лапищей. – Обещаю слушаться, вести себя тихо и делать дома уроки. А еще я... – договорить он не успел.

Возле нашего стола остановился парень лет двадцати с небольшим. Он улыбнулся мне и радостно выпалил:

– Опа! А ты чё сегодня не работаешь? Я только что к тебе в офис звонил.

– Мы знакомы? – я внимательно всмотрелась в его лицо, но не узнала.

Странно, учеников я помню всех. У меня вообще очень хорошая зрительная память.

– Да ладно, Лаурочка, – ухмыльнулся он. – Кончай шифроваться. Все свои люди. Мне другую девочку предложили, но я верный. Жду тебя. Так может это... затусим, когда ты с ним закончишь? – он кивнул в сторону Никиты. – Я за ожидание платить, конечно, не готов, но потом продлевать точно буду.

– Языковая школа, говоришь? – презрительно процедил Никита.

Он встал, бросил деньги на стол и смерил меня брезгливым взглядом.

– А ведь не похожа совсем. Хотя... язык по-разному кормить может. Слышал я о таких, как ты. Порядочных, не похожих на эскорт. Вроде бы это даже в тренде.

– Это какая-то глупая ошибка! – я вскочила с места. – Понятия не имею, кто он. Я, действительно, преподаватель иностранных языков

– Это да, – подмигнул парень. – Язык у нее что надо! Подтверждаю.

– Заткнитесь вы уже! – салфетка, зажатая в моей руке, полетела в его лицо.

– Милая, как ты нетерпеливая и горячая! – наглец поймал салфетку на лету и прижал к носу. – Вкусно пахнет.

– Не буду мешать бизнесу. В конце концов каждый выживает, как может, – Никита повернулся и вышел из ресторана.

– Подожди! – я ринулась было за ним, но остановилась.

Да какого черта? Злость вскипела в венах и бросилась в голову. Если мужик так легко поверил в то, что я легкого поведения, так пусть катится куда подальше! А вот к этому придурку, что устроил весь этот цирк-шапито, у меня есть вопросы. Я повернулась к парню и схватила за рукав.

– Ты что на голову больной, да?

Парень начал молча вырываться, пряча глаза.

– Отвечай немедленно! – крикнула я и так дернула за рукав футболки, что ткань затрещала.

– Отпусти его, Лаура, – Матвей вклинился между нами.

От неожиданности я выпустила рукав парня, и он поспешно отошел на несколько шагов.

– За старания, – Матвей протянул ему тысячную купюру.

Тот быстро цапнул деньги и убежал.

– Сядь, – Матвей подвинул ко мне стул.

Вот еще! Будет он мне здесь приказы раздавать!

– Так этот спектакль твоих рук дело? – уточнила я.

– Ага, лично не побрезговал, – подтвердил он, откусил эклер и зажмурился от удовольствия, – Хорошие пирожные.

Меня поразила эта наглость. Ни малейшего раскаяния, ни попытки объяснить свое идиотское поведение. Хотя нет, не идиотское, а скотское. Это кем же нужно быть, чтобы из меня сделать девушку с низкой социальной ответственностью?

– Ты не психотерапевт, а псих. Зачем ты это устроил? – я вырвала из его рук пирожное и бросила на тарелку.

– Ты смотри: как завелась, а? – Матвей взял с тарелки другое пирожное. – С пробуждением, спящая царевна! Целоваться не будем. Я не настроен. Хорошо?

– Да пошел ты со своей терапией вместе, – я схватила сумочку. – Уволен!

– Сядь, – внезапно властным тоном приказал он.

– Даже не подумаю!

– Сядь! – он встал и усадил меня на стул.

К нам подошел управляющий рестораном.

– Вам нужна помощь? – обратился он ко мне.

– Не нужна, – ответил за меня Матвей. – Девушке хорошо, как никогда в жизни. У нее истерика от счастья. Повторите заказ. Все в точности, как сейчас, только новое и свежее, – он вытащил из кармана портмоне, достал оттуда деньги и отдал управляющему.

Тот моментально скрылся из виду.

– Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня? И чего ты так психанула? Бесишься, что свидание сорвалось? – Матвей отпил кофе из моей чашки.

– Ты из меня сделал эскортницу и не понимаешь, почему я так злюсь? Да ты...

– Псих? – подсказал он.

– Да! А еще... – мне пришлось замолчать, потому что к нашему столику подошел официант с подносом.

Матвей подождал, пока официант расставит на столе новую порцию пирожных и кофе. А тот медленно освобождал поднос и явно с интересом ожидал продолжения спектакля.

– Любезнейший, вы не могли бы пренебрегать своими обязанностями где-нибудь в другом месте? – вкрадчивым тоном поинтересовался Матвей.

– Извините! – официант покраснел и быстро ретировался.

– А ты эскортница? – Матвей полюбовался шоколадным бисквитом, щедро залитым ярко-алой вишневой глазурью, и откусил от него большой кусок.

– Нет, конечно! – возмутилась я.

– Тогда чего переживаешь? – он вытер руки салфеткой. – Из-за того, что этот жлоб поверил, что ты ночная бабочка? Ну и пусть. Его проблемы. Ты с Никитой знакома ровно час. Сначала он тебе дал дверью по голове, а потом накормил пирожными.

– Он же не специально меня ударил. И еще и ждал, пока я выйду от тебя, чтобы загладить вину.

– И ты уже поплыла. Я тебе одолжение сделал. Потому что дал ему вложиться в тебя ресурсом и резко стопарнул.

Глава 4. Можно я буду твоим рыцарем?

– Если мужик хочет в тебя вложиться – пусть вкладывается, – Матвей отхлебнул кофе и поморщился: – Мать моя, сколько сахара! Как ты это пьешь? – он налил себе полный стакан воды и залпом выпил.

– Пью и молча радуюсь, – я отобрала у него свою чашку кофе.

Организм, переживший сегодня немалый стресс, требовал кофеина и сахара.

– Так вот, неважно, каким ресурсом мужик вкладывается. Хочет оплатить стоматолога? Прекрасно. Желает поехать на дачу к твоей маме и вскопать грядки? Еще лучше. Пусть вкалывает, молотя или куя. Ибо чем больше мужик вкладывается, тем сильнее к тебе прикипает. И о расставании у него даже мысли не будет, ведь в тебя вложены деньги, нервы и время. А когда из вложений только – пардон муа – половой орган, то и бросить тебя легко и просто. Поэтому не старайся быть супер-женщиной, мчась впереди паровоза. «Сама грядки вскопаю, сама оплачу зубы» – сразу забудь. Навсегда! Не пытайся угодить мужику, демонстрируя, какая ты самостоятельная. Спасибо! – он принял из рук официанта блюдо с пирожными.

– Может, мне еще в обморок падать каждые пять минут, чтобы он меня на руках таскал?

– А неплохо было бы, кстати, – Матвей принялся за шоколадный эклер. – Живой пример: Никита тебя дверью по голове огрел, любезно предложил отвезти к доктору, а ты отказалась. А после этого еще покорно поплелась в ресторан.

– Не поняла, Матвей, мне нужно было изображать умирающую и позволить отвезти себя в больницу? Это ты имел в виду? – спросила я.

– Нет, Лаура. Нужно было сказать, что у тебя свидание, поэтому не можешь. Чтобы он эту встречу вымаливал и ужом извивался.

Я молчала. Не знала, что ответить.

– Тебе уже не двадцать, Лаура. Знаешь, в чем разница между отношениями в двадцать и тридцать лет? В том, что женщина в двадцать полностью контролирует отношения, и мужика это устраивает. Он влюблен. У него всё решает не мозг, а то, что между ногами. А в тридцать он уже сопротивляется женскому контролю изо всех сил. Тебе тридцать два, Лаура. А ты позволяешь мужикам вертеть тобой, как они хотят.

– Это не так, – возмутилась я.

– Это так, да, – Матвей вытер губы салфеткой. – Ты должна научиться мягкому контролю, чтобы мужик даже не понял, что у него отняли свободу. А если и поймет, то ему это должно понравиться. А для мягкого контроля необходимо сначала быть максимально недоступной. А не бежать по первому зову в ресторан. Если бы отказала сегодня Никите, он бы все равно нашел возможность тебя пригласить завтра, послезавтра или через три дня. Конечно, если ты его зацепила. А не так... на пару вечеров.

– Знаешь, Матвей, это всё красиво в теории. А на практике никто не будет за мной бегать. Я же не... модель, – это было сложно произнести, но у меня получилось. – А мужчины ленивы.

– Да пойми же ты, – Матвей даже прихлопнул ладонью по столу, – отношение мужчины к женщине строятся на ее реакции на него. И внешность здесь не при чем. Если ты даешь нужную реакцию, это может его вдохновить, а может, наоборот, охладить. Иногда мужчина ждет не реакцию, а ее отсутствие. Так интереснее. Это возбуждает и мотивирует. Ты на него ноль внимания, а он старается завладеть твоим сердцем. Например, подарит тебе браслет. Что ты скажешь?

– Что красиво. И спасибо большое! – я невольно взглянула на свое запястье.

– А если тебе не понравится? – он облокотился на спинку стула, лукаво глядя на меня.

Я невольно засмотрелась на него. Беседа так захватила Матвея, что лед в глазах начал таять, обнажая вполне человеческие эмоции. Он улыбался, ожидая ответа и неотрывно глядя мне в глаза.

– Ну... – мысли никак не хотели собираться воедино, предпочитая гулять по отдельности.

Да что же такое-то? Очнись, Лаура! Очнись и ответь уже! Неужели отсутствие секса начало влиять на мозг? Ну да, Матвей красивый мужик. Даже очень. Но вредный до невозможности. Такого не выдержу. Хотя, в принципе, возможно, что вне работы и психологических экспериментов... стоп! Что я делаю? Уже прикидываю: смогу ли вытерпеть его? Нет, нет и нет! Лучше засохнуть, как курага, но подальше от такого, как этот чокнутый доктор.

– Не спи, замерзнешь, – Матвей взял с блюда еще одно пирожное и положил на мою тарелку.

При этом он случайно коснулся моей руки. Меня обожгло. Да так сильно, что я поспешно убрала руку на колени, пытаюсь понять: чем обожгло? То ли холод, то ли жар. Нет, скорее электрический ток. Вселенная, родненькая, миленькая, отпусти меня! Не шути так, пожалуйста! Только не Матвей! Пусть меня лучше бьет током от табуретки, но не от этого вредного мужика!

– Связь с космическим кораблем потеряна, – констатировал Матвей и тяжело вздохнул. – Корабль покинул Солнечную систему.

Черт, кажется, что-то заметил. Я поерзала на стуле, закрыла глаза, чтобы не смотреть на него, схватила стакан и глотнула воды. Что он там спрашивал? Если мне не понравится подарок мужика?

– Все равно совру, что нравится. Потому что это элементарная вежливость. Человек же старался, – глаза я открыла, но смотреть предпочла не на него, а на пирожные.

– Вот она, твоя ошибка! – в голосе Матвея прозвучало торжество. – Если тебе подарок не понравился, то нужно это показать. Тогда мужик будет искать лучше и дороже, чтобы доказать всем, что он может себе это позволить. А если пищишь от восторга, то ему скучно. Ты предсказуема, значит, скучна. Не мотивируешь. Для тебя не нужно стараться. А самое главное: сразу понятно, что не избалована мужским вниманием. И если ты никому не нужна, то и ему не нужна тоже.

Я закусила губу от досады. В чем-то он прав. Не говорить же ему, что мне Никита очень понравился. Поэтому и согласилась на свидание вот так, сразу. Боялась упустить шанс. Матвей меня за это заклюет. Поэтому решила перевести тему разговора.

– Это сейчас было продолжение терапии, когда ты из меня сделал проститутку?

– Это я тебе сейчас показал, Лаура, что такое твоя личная ответственность и чужая. Мы не в ответе за чувства других. Понимаешь? Я на своей работе регулярно наблюдаю, как люди меняют мнения, политические взгляды, даже манеру одеваться для того, чтобы кому-то было с ними легко и удобно. Это неправильно! У любого есть право думать о тебе всё, что захочется. И вот эта ситуация – личная ответственность Никиты, но никак не твоя! И если кто-то пытается сделать тебя ответственным за свои чувства или плохое настроение – значит, он просто тобой манипулирует. И ты должна осознать, что его переживания – это его проблемы. Тогда тебе станет намного легче жить. Ты не эскортница и твердо это знаешь. Никита поверил? Ну и дурак. Потому что никак ты на этих девушек не похожа. Нужен ли тебе такой легковесный? Нет, конечно. Завтра ему кто-то расскажет, что ты по ночам людей убиваешь. И он снова купится. Начнешь ему доказывать, что это не так? Как можно встречаться с человеком, который тебе не верит и не понимает, кто ты? Ты же себя полностью обесцениваешь.

Слушая его наставления, я думала о том, что здесь не только ответственность,

но и соревнование с бывшими. Свидание с Никитой было необходимо, чтобы доказать козлине Алексу, что моя жизнь после него не закончилась. Есть другие мужчины, кроме него. Я могу быть любимой и желанной. С бывшими ведь всегда соревнуешься. Это соревнование

называется: «Кто умрет несчастным». И я в очередной раз проиграла. Как всегда несчастной умираю я.

- Отвезти тебя домой? – предложил Матвей.
- Нет, спасибо. Моя машина припаркована возле твоего кабинета.
- Так я подброшу.
- Хочу пройти пешком.

Медленно и неторопливо я шла по вечерней Москве. Голова гудела от впечатлений. Моя машина, старенькая красная «Даятсу» дремучего года выпуска терпеливо ждала меня в темноте парковки. Я погладила нагретое летним солнцем лобовое стекло. Мы с ней похожи: обе невзрачные, жилистые, терпеливые. Не потому что сильные от природы, а потому что другого выхода нет. Привыкли всё сами.

Я села за руль и завела мотор. Машина радостно подмигнула огоньками на приборной панели, словно говоря:

- Не печалься, подружка, прорвемся!
- Куда мы денемся? – шепотом ответила я и улыбнулась.

Очень хотелось позвонить папе. Просто услышать его голос. Я часто так делала. Отец всегда был занят. И говорил, в основном, о работе. Мне нравилось слушать о ходе его экспериментов, в которых я ничего не понимала. Папа был биохимиком, очень известным не только в России, но и за рубежом. А я даже в школьной биологии плавала, едва вытягивая на четверку с большим минусом. Да какая разница? В эти минуты его голос теплел, и от него ко мне протягивалась яркая и горячая ниточка.

Иногда папа рассказывал мне о Кубе, которую он обожал. Когда мы оттуда уехали, мне было пять лет. Но почему-то я ничего об этом не помню. Совсем. Кроме испанского языка. В пять я уже свободно общалась и даже умела читать. После возвращения в Москву мы с папой дома говорили по-испански. Маму это очень раздражало. Она так и не выучила этот язык. И Кубу терпеть не могла. Всегда радовалась, что мы оттуда, наконец, уехали. Называла ее грязной примитивной лужей. И наши с папой беседы на испанском моментально пресекала. И тогда испанский стал нашим тайным языком.

Пустая квартира встретила меня темнотой и тишиной. Я зажгла свет в кухне и в обеих комнатах. Открыла холодильник и достала оттуда бутылку воды. Очень захотелось пить после всех сладостей, которыми меня сегодня накормили. Возвратив бутылку на полку, я заметила одинокую красную икринку. Явно еще с Нового Года завалялась. Папа был абсолютно равнодушен к быту и к еде особенно, но всегда приезжал ко мне перед Новым Годом и привозил красную икру. Я покатила икринку в ладони и бросила в рот. Вкуса не ощутила, потому что она была одна. Как и я. Если ты одна, то ничего не стоишь. Ни вкуса, ни запаха. Стоя у открытого холодильника я расплакалась. Тоска так сжала сердце, что стало невозможно дышать.

Я потушила свет, вышла из квартиры и поехала на нашу старую дачу. В последнее время отец жил там. Мама предпочитала новую дачу, которую построили по ее вкусу. Там все было ультрасовременное в стиле «хайтек»: дом – прозрачный куб с панорамными стеклами, кипельно-белыми стенами и черными гранитными столами в кухне. А папа любил нашу старую развалюху, которую мама презрительно называла «бабкиным теремком».

Я припарковалась возле старенькой калитки. Краска на ней была новой и ярко-зеленой. Папа лично красил незадолго до смерти. Сердце громко стучало. Я не заходила сюда с тех пор, как отца не стало.

Двухэтажный, старенький, деревянный домик. Домотканые половички, ситцевые занавески в кухне, белые в красный горох. Скрипучие половицы и ветхая мебель. Здесь пахло детством и счастьем. Из коридора я прошла в большую комнату. Целая стена была занята полками

с книгами и пластинками. На столе стоял допотопный, еще советский проигрыватель. Папа на полном серьезе утверждал, что если будет атомный взрыв, то всё погибнет, кроме советской техники. Потому что она в принципе неубиваемая. Я погладила корешки книг. Пошла в кухню, принесла оттуда чистую тряпочку и вытерла толстый слой пыли на проигрывателе. Подошла к полке, взяла несколько пластинок, которые лежали отдельно от других. Первая сверху была любимой пластинкой папы: опера «Дидона и Эней». Папа всегда смеялся, что это единственная опера, которую написали англичане. Поэтому британская корона всегда завидовала русской культуре.

И вдруг я вспомнила сеанс ретро-гипноза у Матвея. Там, на Кубе, звучала ария из этой оперы. Плач Дидоны. Именно ей подпевала та незнакомая женщина. Почему именно эта ария?

Я вообще не люблю оперу. А эту арию особенно. В ней есть какая-то безысходность. Помню, как-то спросила папу о чем эта опера. Мне тогда было лет десять, а может, и меньше. Новой дачи у нас еще не было. Мы всей семьей приехали на выходные на эту старенькую. Мама организовала ужин на веранде. Папа включил арию погромче, чтобы было хорошо слышно.

– Господи, Саша, выключи эту нудьгу. Ты нарочно меня раздражаешь? – в сердцах спросила мама, нарезаая огурцы в салат.

– Что ты, Мариночка, я просто люблю эту вещь. Да и детям полезно слушать оперу для общего развития, – он кивнул на меня и моего младшего брата Витю, которому тогда было года три.

– Детям полезно, когда им не забивают голову ерундой, – мама отложила нож в сторону, взяла стеклянную банку со сметаной, купленной на рынке, и начала заправлять салат.

– Ну что ты? Перестань! – отец обнял ее за плечи и прижал к себе.

Вытер с уголка ее губ каплю сметаны, облизал палец и сказал:

– Хорошая сметана! С салатиком и картошкой самое то. Ну давай, корми нас, я голодный, как волк. Сейчас тебя съем, – он вдруг громко завыл и слегка прикусил зубами мамину шею.

– Сашка, перестань! – мама схватила со стола посудное полотенце и замахала перед его носом.

Отец испуганно заскулил, сжался, изображая испуганного волка, скорчился на стуле и закрылся руками.

– Вот балда! – рассмеялась мама.

Она пошла на кухню, вернулась с большой сковородкой дымящейся картошки и поставила ее на стол, подложив под дно деревянную доску, чтобы не испортить цветастую клеенку.

– Так, давайте ужинать. Всё стынет, – мама разложила картошку по тарелкам и посыпала мелко нарезанным укропом.

Музыку папа так и не выключил.

– Пап, о чем эта опера? – спросила я, уплетая жареную картошку с салатом из свежих огурцов.

– Это очень трогательная и известная история любви, – папа взял кувшин с компотом и всем налил по стакану. – Дидона была царицей Карфагена. Она увидела троянского героя Энея и сразу же в него влюбилась. Он тоже влюбился, признался царице в своих чувствах и сразу замуж позвал.

Мама недоверчиво хмыкнула. Папа улыбнулся, глядя на нее и, продолжил:

– Но злые силы были против этого союза. Вредная ведьма отправила к влюбленному Энею злого духа в образе бога Меркурия, чтобы он изложил ему «волю богов» – во что бы то ни стало оставить Дидону навсегда и уплыть из Карфагена, чтобы выполнить предназначенную ему небом миссию. Эней, конечно, не смог противиться воле богов и сразу же собрался в путь. А Дидона так его любила, что жить в разлуке не смогла и решила умереть. Перед тем, как броситься в огонь, она попросила амуров осыпать ее могилу лепестками благоухающих роз, бархатистыми, нежными, но постепенно умирающими – такими же, как ее любящее сердце.

Именно об этом она поет в своей знаменитой арии «Когда меня положат в землю». По английски: «When I am laid in Earth». Но все называют арию просто «Плач Дидоны».

Мама вдруг бросила вилку с такой силой, что тарелка раскололась напополам, и закричала:

– Не забивай ей голову этой чушью! Злая ведьма, воля богов. Эгоистами они были твои Дидона и Эней. Эгоистами, которым было на всех наплевать!

– Марина, держи себя в руках, пожалуйста, – в голосе мамы прозвучали резкие ноты, но он быстро справился с собой и спокойно продолжил: – Я всего лишь рассказываю дочери сказку.

– Есть другие сказки, в которых нормальные герои, а не эти эгоистичные царевны, – возразила мама, убирая со стола осколки тарелки.

Папа встал, бросил салфетку на стол и пошел в дом.

– Вернись немедленно, Саша! Мы ужинаем, если ты не заметил, – закричала мама ему вслед.

– Благодарю, сыт по горло, – ответил папа, поднимаясь на второй этаж в свой кабинет.

Больше в нашем доме никогда не звучала эта музыка. Во всяком случае при маме. Но как только она перестала приезжать сюда, папа заслушал пластинку до дыр. Я положила ее обратно на полку. Нет, не могу. Не сейчас. Слишком больно!

Рядом с пластинкой на полке лежала калимба. Папа так и не научил меня на ней играть. Хотя сам умел. Его научили на Кубе. Этот музыкальный инструмент там очень популярен. Когда-то его завезли туда африканские рабы. Калимба, веселая, простенькая и легкомысленная, такая же, как и кубинцы, быстро прижилась на Острове Свободы. Папина калимба переехала на дачу вместе с пластинкой «Дидона и Эней». Мама и ее терпеть не могла, и даже пыталась выбросить. Никогда не понимала, за что она так ненавидит Кубу и абсолютно всё, что с ней связано. Даже если там случилось что-то неприятное, это не оправдание. Мало в Москве горя и неприятностей? Ведь это их с папой жизнь, молодость, надежды, мечты и романтика.

Телефон зазвонил. На экране высветилось имя: Никита. Только его сейчас не хватало! И так настроение на нуле. Нет, не отвечу на звонок. Я положила калимбу обратно на книжную полку. Но Никита позвонил еще раз, и еще. Выключать звонок не хотелось. Лучше ответить, быстро послать его и всё.

– Да, – ледяным тоном произнесла я.

– Лаура, привет. Это Никита, – он замолчал, шумно сопя и явно не зная, как продолжить разговор.

– Узнала, – сухо сообщила я.

– Тут такое дело... слушай, я прошу прощения.

– Интересно. И за что это?

– Ну за то, что поверил тому отморозку. Чем больше думаю об этом всё, тем больше понимаю, что не можешь ты быть этой самой... ну...

– Эскортницей? – язвительным тоном подсказала я.

– Ну да, извиняюсь за выражение. Не похожа ты. Ну что я ночных бабочек не видел, что ли? Какой-то огрызок-пранкер, наверняка, записывал свои эти тик-токи. А я купился. Для таких лохов, как я, они и стараются. Мы ж для них хлеб с маслом и икрой.

– Как же так? Какое разочарование! Я только в тренд вошла. Ты же сам сказал, что сейчас в трендах такие, как я, не похожие на представительниц древнейшей профессии. А ты меня сразу уволил. Нехорошо это, Никита, некрасиво.

– Прикольно, – хмыкнул он, но тут же спохватился и очень серьезным и виноватым тоном произнес: – Слушай, Лаурочка, у меня с юмором вообще не алё. И соображаю я туго. Честно признаюсь: лоханулся, конечно, по-крупному. Развели меня, как кролика. Понимаю, что простить тяжело. Но я искуплю вину, честное слово!

– Кровью? – деловито осведомилась я.

– Как скажешь, – покорно согласился он. – Готов загладить вину всеми доступными способами. Командуй, принцесса. Можно я буду твоим рыцарем?

Это приятно, конечно. Потому что явно было видно, что он заранее подготовился к разговору и старался произвести приятное впечатление. Ну как мог, конечно. Выразить свои эмоции словами он умел плохо. И не потому, что спортсмен. Мужчины вообще редко когда умеют говорить о чувствах, если они, конечно, не писатели, политики, адвокаты или аферисты – у этих, конечно, язык профессионально подвешен. С другой стороны, мало ли что ему еще покажется? А мы уже встречаться начнем. Я к нему привыкну. И вдруг снова развод, подушка пополам и девичья фамилия. Надо ему это объяснить попроще как-то, чтобы понял.

– Слушай, Никита, ты, конечно, симпатичный. Признаю.

– Только не говори «но». Прошу тебя, Лаурочка! – он словно проснулся и затараторил с несвойственной ему живостью, – знаю, что сейчас будет это «но», как нокаут. Ты меня размажешь по рингу, и мне уже не встать.

В его голосе зазвучала такая мольба, что я растерялась. Мне показалось, что он сейчас расплачется. Я бы даже в это поверила, если бы не видела этого громилу с накачанными мускулами. Мне оставалось только замолчать.

– Да, я повел себя тупо, Лаурочка. Купился в легкую. Пожалуйста, прошу тебя: дай мне шанс. Только один! Ты правда мне очень понравилась. Ты такая... такая... – он замолчал.

– Какая? – спросила я.

– Не умею я в слова. Ну ёлки ж зеленые! Хорошая ты, не такая, как мои бывшие. Не намазанная, не прокуренная и не тюнингованная. В хорошем смысле, только не обижайся. Ни ботокса у тебя, ни прочих наворотов. Как учительница в школе: строгая, но добрая. Я даже оробел сначала, когда тебя дверью приложил. Чего, думаю, приглашать ее? Не согласится же! Где я, а где она? А потом сам себе сказал: «Ну стопэ морозиться, Никитос! Сейчас упустишь ее, и всё». И потому ждал тебя, пока ты у дока была.

– Ищи Васю Пупкина, а не Есенина и Пушкина, – всплыли в памяти слова подруги Светки.

А ведь она в чем-то права. Может быть, моя беда действительно в том, что я ищу сложных? А с простыми легче. Он, конечно, не Матвей. Господи, почему я о нем подумала? Он мой психотерапевт. И никаких отношений, кроме деловых, между нами нет и быть не может. Нужно ответить что-то. Никита ждет на том конце линии.

– Ну ладно, – снисходительно произнесла я. – Даю шанс загладить вину.

– Отлично! – он обрадовался, как ребенок. – Можно прямо сейчас приехать?

Я взглянула на часы.

– Нет, что ты! Уже очень поздно. Завтра приходи на занятия утром. Ты же хотел испанский учить?

– Буду раньше всех, – пообещал он. – Спокойной ночи, принцесса! – в его голосе так бурлила радость, что я невольно улыбнулась.

– Буэнос ночес, эстуденте!

– Ээээ... – протянул он.

– Спокойной ночи, ученик! – перевела я.

Забавный он, конечно. Такой большой и сильный мужик, но при этом простодушный. И явно искренний. Конечно, радоваться рано. У меня всегда в начале отношений всё шоколадно. А потом шоколад превращается в субстанцию такого же цвета, но совершенно с другим амбре. Хотя попробовать определенно стоит.

Утром я приехала на работу. Никита уже ждал меня у входа с огромным букетом белых роз.

– Прости меня, учительница первая моя. Я – дурак. Правда. Мне очень стыдно, что поверил тупому малолетнему пранкеру с тик-током головного мозга, – Никита протянул мне букет. – Встал бы на колени, но с утра мышцу потянул в спортзале.

Этого еще не хватало! Вокруг коллеги, ученики.

– Не нужно на колени! – я поспешно схватила цветы. – Пойдем в аудиторию. Но сразу предупреждаю: поблажек в учебе не будет, так и знай.

– Нокаутируй меня, принцесса. Я заслужил. Даже закрываться не буду, – он широко раскинул руки, наклонился ко мне и подставил щеку так, чтобы мне было удобно бить.

– Физическое воздействие не мой метод, – я положила руку ему на грудь, заставляя выпрямиться.

Он вспыхнул и накрыл мою руку своей огромной лапищей. Чего это он так заалел, как красна девица? Неужели такой страстный, что и прикоснуться лишний раз нельзя? Сквозь тонкую белую футболку я почувствовала, как напряглись его железные мышцы. А его рука была горячее и какой-то до неприличия жадной.

Весь урок я ловила его внимательный взгляд. Пару раз даже ошибалась и запиналась. Никита неотрывно смотрел на меня и все время улыбался. В перерыве он пригласил меня на ужин в семь вечера. Я согласилась, совершенно позабыв о том, что сегодня у меня второй сеанс с Матвеем.

Мой ретро-гипнолог напомнил о себе сообщением на «Ватсап». Я ответила отказом, извинившись, что у меня другие планы. Матвей немедленно перезвонил. И по его тону я поняла, что он взбешен.

Глава 5. Любовь – это не мое

– Лаура, так работать невозможно! Нельзя делать большой перерыв между сеансами, особенно в начале терапии. Мы заранее договорились. И если у тебя вдруг появились другие планы, то их нужно отложить, – резким тоном заявил Матвей.

– Я просто...

– Машину не бери, – перебил он. – Приезжай на такси. Домой я тебя отвезу.

– Почему не брать машину?

Да что он себе позволяет? Разговаривает со мной таким диктаторским тоном, словно начальник.

– Потому что, возможно, ты будешь себя плохо чувствовать, так как сеанс продлится дольше. Не нужно в таком состоянии садиться за руль. А знаешь что? Не бери такси. Сам заеду за тобой в половине седьмого.

– Я не могу.

– До сколько ты работаешь, Лаура?

– До половины седьмого.

– Значит, в половину седьмого приеду. До свидания, – Матвей повесил трубку, не слушая моих возражений.

Я так и застыла с открытым ртом, держа телефон возле уха. Что же мне делать? Не скрываться же от Матвея. Хотя... Светка мне все время говорит, что нужно научиться хитрить. А у меня с этим плохо. Вот сегодня и начну.

В четверть седьмого я извинилась перед группой, что вынуждена закончить занятия немного раньше, и пообещала вернуть это время в следующий раз. Быстро схватила сумку и побежала вниз. Никита уже ждал меня.

– Добрый вечер, принцесса! – улыбнулся он.

– Добрый! – времени на любезности не было, поэтому я быстро пошла к его машине.

И в тот момент за спиной взвизгнули тормоза, и раздался голос Матвея:

– Лаура, ты ошиблась средством передвижения. Тебе сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.